

ТРОЕ НА КАЧЕЛЯХ

В ОЗЛЕ контролеров бился людской водозорот. Зал института металлургии имени А. А. Байкова был набит до отказа, а зрители у входа все прибывали. Наконец зловеще хрюснула дверь, и поток «сверххлмнитников» хлынул между рядами. И как раз в этот момент хорошо поставленный голос провозгласил со сцены:

— Начинаем спектакль «Двое на качелях». Роли исполняют...

Гром аплодисментов и восторженный рев поклонников и поклонниц прервали объявляющего.

А тем временем по коридору, нервно похрустывая пальцами, прохаживался конструктор Института точной механики и вычислительной техники А. Г. Харчев. Сугубо техническая профессия нервного конструктора ничто не отменяла возможность причисления его к лику носителей святого искусства. Однако...

— Вот, Александр Георгиевич, денежки, — скороговоркой выпалила подбежавшая к нему дезушка. — Как вы просили, в двух конвертах. Здесь стодесять, а тут двести сорок. Проверять будете?

— Чаше счет, долгие дружба, — весело отозвался деятель точной механики, с которого сразу слетела и хмурость, и нервная озбоченность. Поплевав на палец, Харчев тщательно пересчитал купюры и, засовывая, поглубже в карман конверт с надписью «110», игриво подмигнул Серафиме Макаровой:

— Искусство требует жертв!..

Впервые это тафори́зм про-

звучал под сводами института металлургии, когда артист М. Козаков и его импресарио Харчев осматривали зал на предмет выколачивания денег из научных и ненаучных сотрудников. На почтительном расстоянии с трепетом следовали за ними члены культкомиссии месткома И. Е. Волкинштейн и нам уже известная С. Н. Макарова.

— Афишку в красочках заказывать будем? — спросил кто-то из профсоюзных активистов.

Деятеля искусств и его подручного словно трянуло электрическим током. Еле переводя дух от возмущения, Козаков в самой категорической форме заявил, что, если он увидит хоть одну бумажку с упоминанием его имени, никакого спектакля не будет.

— Вы с ума сошли, это же вещественные доказательства! — кипятился любимец публики.

Его заместитель по административной части успокоился значительно быстрее. Он ответил в сторону Макарову, сообщил ей свои соображения в отношении искусства и жертв, а затем в ультимативном порядке сообщил сумму: 350 рублей.

Билеты (без указания назначения и стоимости) напечатаны в мастерской института. Сменная друг друга, Макарова и Волкинштейн бойко торговали в комнате месткома, а когда

спалал ажиотаж, рысью бежали по лабораториям.

Спектакль удался. Артистов М. Козакова и Т. Лаврову вызывали несчетное количество раз. Кто-то преподносил цветы, кто-то кланчил автографы. Словом, все осталось довольным.

А на следующий день Макаровой позвонила ее закадычная подружка Н. Г. Гулиева, старший научно-технический сотрудник совета производительных сил Госплана СССР.

— Это просто возмутительно, — негодовала она. — Вы у себя там спектакли закатываете, а мы что, рыжиее!!

— Нет, не рыжиее, — согласилась подруга и немедленно выдала на-гора телефон все того же Харчева.

Далее события развивались, как по хорошо отработанному сценарию. Только партнершей Козакова теперь была артистка «Современника» Л. Толмачева.

А телефон на столе энергичного импресарио продолжал звонить.

— Александр Георгиевич, голубчик, — звучал в трубке взволнованный женский голос.

— С вами говорит Люсьена Филиппова. Я звоню по поручению нашего председателя культкомиссии тов. Мошковского. Он ведь, кажется, ваш приятель?! Так мы все просим, умоляем: соорудите спектакль «Двое на качелях» в нашем

Институте химической физики...

— Физики, они еще больше лирики, чем другие, с них легко можно содрать, — рассуждал Харчев.

Так трое, «качаясь на качелях», исправно выкачивали деньгу из доверчивых деятелей науки. К алтарю богини Мельпомены одни за другими понесли свою лепту работники Физического института имени Лаврищева, Института химии природных соединений, Института органической химии и Института элементоорганических соединений.

Ничего нет тайного, чтобы не стало явным. Разъездной театр вскоре прикрыли. Как говорится, вовремя дали занавес.

— Параллельно с театром я снимаюсь в кино, а потом еще концерты, концерты... От филармонии, Росконцерта, — объясняет М. Козаков, прикладывая пальцы ко лбу, и тоном смертельно усталого человека добавляет: «Может быть, мы играли в этих НИИ, может быть, нет, — не помню. Деньги, во всяком случае, были месткомовские. Честно говоря, я думал, что играть по линии месткома — вещь законная».

— Мне и в голову не приходило, что это нарушение финансовой системы, — довольно натурально удивляется Л. Толмачева.

— Ну откуда я помню, где

играли и сколько получали, — отмахивается Т. Лаврова. — И вообще, что тут особенно-го?!

Конечно, не за горами то времячко, когда внучек, может быть, спросит бабушку-артистку:

— Бабуля, а что такое левый концерт? Это, когда с левой стороны к театру подъезжают?

Заранее прощая внуку такую неосведомленность. Но сейчас рафинированная инфантильность взрослых артистов по меньшей мере странна.

Все это сказали им в глаза товарищи по театру. Будем надеяться, что и работники Института точной механики и вычислительной техники спросят, как положено, со своего конструктора-администратора, греющего руки возле актерских «леваков».

Но еще больше нам хочется, чтобы спросили с активистов, членов культкомиссии и месткомов, которые с завидной легкостью готовили для «гастролеров» и сцену, и липовые билеты и даже (какая трогательная заботливость!) меняли в банке измятые рублевки на крупные купюры.

Мы любим хорошие пьесы, мы восхищаемся талантливым игрой актеров. И чем талант больше, тем больше и спрос с актера.

...Вверх — вниз! Вверх — вниз! Взлетают и падают качающиеся. Но жизнь — не качели, где обязательно должно быть падение вниз.

Только вверх, товарищи артисты! Это и нам приятнее, да и вам меньше хлопот.

Ю. ТИМОФЕЕВ.

Мошковский правду, 1966, 24 мая